

Олег Усенко

кандидат исторических наук

МАТУШКИНЫ САМОЗВАНЦЫ

На время отвлечёмся от нашего «сериала», с 2006 года подробно повествующего читателям «Родины» о похождениях самозванцев в России. Попытаемся создать обобщённый портрет лжемонархов просвещённого царствования. Если обобщить сведения, опубликованные другими авторами, то к самозванцам, действовавшим в Российской империи с 29 июня 1762 по 6 ноября 1796-го, придётся отнести 40 человек¹. Но на самом деле кое-кого нужно исключить из этого списка и при этом пополнить его новыми именами. Необходимо также исправить ошибочные сведения биографического характера.

[с. 113]

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Например, не выдерживает критики утверждение В. Н. Майнова, что духовный лидер скопцов Кондратий Селиванов стал «Петром III» ещё до 1772 года. Судя по источникам, это произошло в 1781–1796 годах. С. Пионтковский говорит о «бывшем солдате Синюшкине», но на самом деле понимает Никиту Сенютина. Ошибся и А. Ф. Строев, под пером которого «турецкий принц Изек-бей» превратился в «Изан-бея».

Целый ряд поправок стоит приложить к работам К. В. Сивкова. Во-первых, некоторые самозванцы названы у него лишь по имени и отчеству, а часть фигурирует под псевдонимами или неверными фамилиями. Между тем, на самом деле «И. Евдокимов» – это Иев Евдокимов сын Семилеткин, «А. Васильева» – Авдотья Васильева дочь Заварзина, «Иов Мосягин» – Иев Мосякин, а «Н. Шляпников» – тот вообще Николай Сорокин. Во-вторых, уточнений требуют некоторые датировки. Так, Семилеткин «проявился» не в 1762 году, а летом 1761-го; Иван Андреев – не в 1776-м, а примерно в 1774 году; Максим Ханин – не в 1780-м, а примерно в 1778-м. В-третьих, Сивков оставил без анализа «совсем незначительные дела», а также деятельность тех лиц, которые казались ему авантюристами и безумными. Тем самым исследователь вычеркнул из перечня самозванцев Ивана Соколовского, Александру Корсакову и «Ивана Опочинина».

Относительно Соколовского спору нет – он повинен лишь в «непристойных речах»². Можно согласиться и с тем, что «Ивану Опочинину» тоже не место среди лжемонархов, но не потому, что он авантюрист. На самом деле перед нами Иван Подошин, изображавший «генерал-майора Опочинина». И не следует его путать с «наследником российского престола» Ипполитом Опочининым – был и такой.

Д. Л. Мордовцев упоминает о двух «Петрах Фёдоровичах», находившихся в рядах пугачёвцев: имя одного не указано, а второй фигурирует как «разбойник Фирска». Судя по тому, что автор ссылается на «Историю Пугачёва», под безымянным самозванцем скрывается, очевидно, Пётр Евсевьев, который, по мнению поэта, не испугался принять на себя имя свергнутого императора, хотя и служил Пугачёву. Что же до Фирски, то Пушкин отнюдь не называет его самозванцем. Впрочем, и причисление к самозванцам Евсевьева является ошибкой, хотя оно укоренилось в литературе.

По мнению С. Г. Томсинского и А. Н. Когана, летом 1774 года среди пугачёвцев, помимо их вождя, были ещё два «Петра Фёдоровича» – уже названный Евсевьев и Яков Иванов. Однако тщательное изучение источников показало, что ни тот, ни другой себя Петром III не называли, да и другие повстанцы их в таком качестве не почитали.

К. В. Чистов и Б. А. Успенский занесли в список лжемонархов скопческую «Богородицу» Акулину Иванову. При этом Успенский включил туда и другую скопческую «Богоматерь» – Анну Сафоновну Попову. Увы, последнюю он перепутал с авантюристкой, которая действительно выдавала себя за «великую княгиню Анну Фёдоровну», но позже – в начале XIX века. Попова же до конца жизни оставалась в рамках религиозного самозванства. То же самое нужно сказать об Ивановой. Хотя среди скопцов она почиталась и как «императрица Елизавета Петровна», следует учесть, что монарший сан был ей приписан лишь тогда, когда её мифический сын – Кондратий Селиванов – начал выдавать себя за императора Петра III, то есть не ранее 1781 года. А к этому времени, по мнению наиболее авторитетных историков скопчества, она уже умерла.

Заметим также, что на Украине в 1764 году не было никакого гусарского вахмистра, выдававшего себя за Петра III. Сообщение об этом – чистый миф, созданный, вероятно, после невнимательного ознакомления с делом Николая Колченко.

Мифическим персонажем выглядит и Григорий Рябов, упомянутый в «объявлении» сибирского губернатора от 5 ноября 1773 года. Соратниками Рябова названы лица, которые на самом деле были сторонниками Федота Богомолова (Казина). Даже если Рябов существовал в действительности, вряд ли он изображал Петра III.

Ошибочным является также причисление к лжемонархам Петра Хрипунова (Головенко). Изучение архивного дела о нём позволяет утверждать, что самозванцем царственного уровня («Петром III») он стать хотел, но так и не стал.

Большие сомнения вызывает история о французе, бежавшем с каторги в Россию и ставшем гувернёром в доме графа W***, где он-де успешно выдавал себя за принца из династии Бурбонов, демонстрируя на правом плече выжженную лилию, пока его не разоблачил заезжий компатриот³. Детали повествования никак не сопрягаются со сведениями генеалогических справочников о российских графских фамилиях конца XVIII – начала XIX веков.

Канадский исследователь Ф. Лонгуорт ошибочно видит среди лжемонархов «полковника Тюменева» (очевидно, это Василий Бунин или же его соратница Марья Тюменева), а также Федота Каменщикова (на самом деле он выдавал себя не за Петра III, а лишь за его посланца).

Наконец, раз в поле нашего зрения попадают лишь те лица, которые до «похищения» монаршего статуса или уже после этого свободно жили на российской земле – хотя бы недолго, то из перечня российских лжемонархов нужно исключить и Тимофея Курдилова. Он выдавал себя за императора Иоанна Антоновича, будучи за границей – в Курляндии, а на территории Российской империи в указанном качестве оказался уже после ареста.

ОГЛАШЕНИЕ СПИСКОМ

Анализ опубликованных материалов и архивные разыскания позволяют утверждать, что в екатерининской России действовали 54 лжемонарха. Вот их список в порядке очерёдности «проявлений» (стрелка означает смену мифического статуса или повторную метаморфозу после саморазоблачения, знак «плюс» – принятие нового статуса в дополнение к первоначальному):

1. Иев Семилеткин (**1761** = «Пётр II» → **1765** = «побочный сын Евдокии Фёдоровны, первой жены Петра I»).

2. **1762** (сентябрь) – Теофил Гаудекер («племянник Петра I»).

3. **1763** – Антон Асланбеков («Пётр III, земной бог»).

1764

4. Антон Любимский («Пётр III» ?).

5. Василий Сергеев («государь император, жених Екатерины II»; «святой, пророк, святитель, преподобной отец и апостол превыше Господа Саваофа»).

6. Михаил Иванов («Пётр III»).

7. Влас Дубровкин («государь, царь и император Власий I, земной бог»; «Царь Небесный, Бог-Отец»).
8. Николай Колченко («Пётр III»).
- 1765**
9. Григорий Васильев («Пётр II»).
10. Гаврила Кремнев («Пётр III»).
11. Пётр Чернышов («Пётр III») → 1767 – рецидив.
- 1766**
12. Федот Гришин («богоизбранный царь и пророк»).
13. Карл Фридрих («сын Петра I»).
- 1767**
14. Фридрих Вильгельм Мейбом, в крещении Павел Петров («сын Петра I» или его «внук»; «апостол Павел, пророк» + «Христос»).
- 1768**
15. Авдотья Заварзина («государыня»).
16. Ипполит Опочинин («сын Елизаветы Петровны и английского короля»).
17. Мартин Шнидер («богоизбранный жених Екатерины II»).

[с. 114]

18. **1769** – Анисья Краснощёкова («сестра Петра III»).
19. **1771 ?** – Иосиф Абаиси («принц Палестинский»).
- 1772**
20. Федот Богомоллов, он же Казин («Пётр III») → в том же году – рецидив.
21. Емельян Пугачёв («Пётр III»).
22. **1773** – Николай Кретов («Пётр III»).
- 1774**
23. Клим Васильев («Пётр III»).
24. Иев Мосякин («Пётр III»).
25. Иван Андреев («Пётр III»).
- 1775**
26. Иван Забелин («император Иван Васильевич»).
27. Николай Баташевский («царь Санкт-Николай (Ефраим), правитель России и Пруссии, укрепитель небесной силы», «ангел, Святой Дух, второй по Христе Сын Божий»).
28. Иван Фоменко («генерал и государь»).
- 1776**
29. Юкас Леопольд Бинг («цесаревич Павел Петрович»).
30. Николай Дмитриев («сын герцога Голштинского» = Пётр III ?).
31. Александр Сытин («богоизбранный муж Екатерины II»).
32. **1777** – Иван Никифоров («Пётр III»).
- 1778**
33. ? Изек-бей («второй сын сестры турецкого султана Абдул-Гамида I»).
34. Максим Ханин («Пётр III»).
35. Александра Корсакова («Александр Великий» → 1779 = «дочь Елизаветы Петровны»).
- 1779**
36. Пётр Петров («царь Пётр» = Пётр III ?).
37. Герасим Савёлов («царь, государь» = Пётр III ?).
38. **1780** – Прокоп Галушка («первый император» = Пётр I ?).
39. **1781/1796 ?** – Кондратий Селиванов, он же Семён Никифоров или Трифонов («Пётр III»; с **1770/1772** – «Искупитель, Спаситель, второй Сын Божий; Бог над Богами, Царь над Царями, Пророк над Пророками»).

40. **1781** – Василий Смоленцов («царь, государь»; «пророк, святой, первоюданной Адам, премудрый философ»).

1782

41. Амвросий («сын императрицы Елизаветы Петровны» + «патриарх, посвященный от самого Христа»).

42. Николай Сорокин, он же Шляпников («цесаревич Павел Петрович, земной бог»).

43. Дмитрий Попович («Пётр III»).

44. **1783** – Григорий Зайцев («цесаревич Павел Петрович»).

1785

45. Осип Шурыгин («царский сын» = сын Екатерины II).

46. Фёдор Ушаков («государь царь Фёдор»; «царь Михаил» = архангел ?).

47. Иван Пакарин («наследник престола, жених дочери Екатерины II»).

48. **1786** – Никита Сенютин («Пётр III»).

1787

49. Алексей Дьяконов («богоизбранный муж Екатерины II»).

50. Василий Бунин («Пётр III»).

51. Марья Тюменева («двоюродная сестра Петра III» – В. Бунина).

52. **1789** – Пётр Нестеренко, он же Таран («Пётр III»).

53. **1790** – Пётр Замыцкий («побочный сын Петра I» + «апостол»).

54. **1796** (сентябрь) – Ксенофонт Владимиров («сын голландского короля» → «сын Петра III»).

ЧЕСТНОЙ КОМПАНИИ ПРИМЕТЫ

Хорошо видно, что при Екатерине II лжемонархи появлялись практически ежегодно, причём нередко по несколько человек за год. Это объясняется тем, что к царице было негативное отношение в среде тяглого населения, которое было хранителем традиционной – сугубо патриархальной – культуры. Екатерина вызывала раздражение не только потому, что свергла собственного мужа, но и потому, что занималась «не своим делом», ибо в массовом сознании жила мысль: управление государством – удел мужчин. Ругань в адрес «бабы» на троне стала атрибутом народной культуры задолго до 1762 года⁴.

Взглянем на состав лжемонархов. Среди них всего 4 женщины (7%). Иностранцев подданных – 7 (13%). Судя по всему, русских – 37 (69%), украинцев – 7 (13%), немцев – 4 (7%), поляки, датчане, арабы и армяне представлены по одному, национальность Изек-бея и Пакарина неизвестна (предположительно – неславяне). Очевидно, православных было 45 (83%), из них лишь один старовер и один сектант; лютеран было 7 (13%); армянскую григорианскую церковь представлял один (Асланбеков), а вероисповедание Изек-бея опять же неизвестно.

Интересно, что 10 лжемонархов притязали и на духовные статусы различных уровней. У 6 из них религиозное и монархическое самозванство зарождалось и протекало одновременно (Сергеев, Дубровкин, Гришин, Баташевский, Смоленцов, Ушаков). Селиванов же начал с религиозного самозванства и лишь потом дополнил его царственным, а вот Мейбом, Амвросий и Замыцкий поступили наоборот.

Таким образом, нельзя утверждать, что перед нами феномен сугубо русской культуры, выросший на почве исключительно православия. Нельзя говорить и о том, что монархическое самозванство питалось идеями, оппозиционными официальной церкви, и было одной из форм социального протеста под религиозными лозунгами. Тем не менее, связь данного явления с христианскими воззрениями очевидна.

Что касается реального общественного статуса лжемонархов накануне «проявления», то среди российских подданных «благопристойными лицами» были, вероятно, 28 человек (60% россиян): дворян – 8, чиновников – 1, военнослужащих – 4, казаков – 4, церковнослужителей – 2, купцов – 1, мещан – 1, крестьян – 7. Маргиналами были 19 человек: бродяги и беглецы –

10, заключённые и осуждённые – 2, отставники – 3, только что отбывшие наказание – 2, обитатели богаделен и домов для безумных – 2. Среди иноземцев к «благопристойным лицам» относились 6 человек: пятеро в статусе «вольных людей» и один крестьянин (Нестеренко); маргиналом же был Гаудекер (ссылный).

Всего при Екатерине отмечено 59 случаев монархического самозванства. При этом, высший светский статус без имени конкретного представителя монаршей фамилии «похищался» 26 раз, а имена реальных правителей – 33. Чаще всего самозванцы выдавали себя за Петра III (24 раза). География монархического самозванства ограничена в основном европейской частью Российской империи (53 из 59 «проявлений»). При этом, на территорию современной Украины приходится 9 случаев, Белоруссии – 1, а России – 48 (причём Сибири – 5). Ещё одно «проявление» (Андреев) имело место на военном корабле в Средиземном море (территория корабля считается частью того государства, к порту которого он приписан).

Судя по всему, наличием сторонников могли похвастать лишь 23 самозванца (43%), при этом среди них была всего одна женщина (Тюменева). Лишь у Кремнева, Чернышова, Богомолова, Селиванова и Пугачёва счёт шёл на сотни (у двух последних – на тысячи), у остальных же поддержка была скромная – максимум два десятка сторонников.

ТИПОЛОГИЯ ЛЖЕМОНАРХОВ

Изучение мотивов и деяний «матушкиных» самозванцев заставляет разделять их на три группы – «реформаторов», «авантюристов» и «блаженных».

[с. 115]

«Реформаторы» – это лжемонархи, которые либо стремились увязать личные интересы с интересами своих сторонников, обещая им провести социальные преобразования, либо не делали таких обещаний, но оказались всё-таки замешанными в движениях социального протеста светского характера. К этой группе относятся максимум 10 чел. (19%) – Семилеткин (до ареста), Кремнев, Опочинин, Богомолов, Пугачёв, Ханин, Савёлов, Попович, Зайцев, Сенютин.

Только Пугачёв и Сенютин обещали дать «волю» помещичьим крестьянам, правда, первый пытался достичь этой цели на деле, а второй болтал всуе. Свергнуть царицу, предать смерти её приближённых или всех «недобрых» дворян планировали – по крайней мере, на словах – Опочинин, Пугачёв, Ханин. Что касается прочих, то степень радикальности их замыслов и заявлений гораздо более низкая: 1) введение свободы вероисповедания для «раскольников» (Семилеткин), 2) сокращение, временная отмена или упразднение налогов, а также временная или полная отмена рекрутской повинности и «солдатчины» вообще (Семилеткин, Кремнев, Богомолов, Зайцев), 3) дарование недворянам права на лимитированное винокурение (Кремнев), 4) наказание местных «кровопивцев», а также личных недругов самозванца (Семилеткин, Савёлов, Попович). Лишь трое – Кремнев, Богомолов, Пугачёв – оказались во главе коллективных или массовых выступлений протеста. К этой троице можно добавить Ханина, который готовился, но не успел стать вожаком повстанцев.

«Авантюристы» действовали только ради личной выгоды, не прикрывая свою корысть привлекательными для народа лозунгами, а кроме того, добивались своих целей путём дополнительных (по отношению к факту самозванства) нарушений правовых и моральных норм, принятых в той среде, где они вращались. В этой компании 26 самозванцев (48%)⁵ – Гаудекер, Асланбеков, Иванов, Колченко, Чернышов, Заварзина, Краснощёкова, Абаиси, Кретов, Мосякин, Андреев, Забелин, Бинг, Дмитриев, Сытин, Никифоров, Изек-бей,

Селиванов, Смоленцов, Амвросий, Сорокин, Бунин, Тюменева, Нестеренко, Замыцкий, Владимиров.

Новое имя они принимали для того, чтобы: 1) обрести свободу – вырваться из тюрьмы или ссылки (Семилеткин, Гаудекер, Забелин, Сытин, Владимиров и, очевидно, Селиванов), 2) получить помощь, деньги или нематериальную выгоду, после чего уехать и жить в другом месте обычной – «не царской» – жизнью (Асланбеков, Краснощёкова, Абаиси, Сорокин, Бунин, Тюменева и, видимо, Иванов), 3) жить безбедно за счёт своих сторонников, не думая о том, что будет завтра (Чернышов, Кретов, Мосякин, Бинг, Никифоров, Изек-бей, Нестеренко, и, вероятно, Колченко), 4) уволиться со службы (Андреев, Дмитриев), 5) добиться права стать монахом (Смоленцов, Замыцкий), 6) избежать преследований со стороны окружающих и/или найти управу на обидчиков (Заварзина, Смоленцов и, очевидно, Амвросий).

Для «блаженных» самозванство – не средство достижения поставленных целей, а нечто самодостаточное. Такие лжемонархи не прятались от властей и не противопоставляли им себя – наоборот, многие делали всё, чтобы власти о них узнали. Они наивно ожидали официального признания и благополучия и, судя по всему, верили, что займут место на троне или рядом с ним. Эту группу (18 человек, или 33%) составляют Сергеев, Леонтьев, Дубровкин, Г. Васильев, Гришин, Фридрих, Мейбом, Шнидер, К. Васильев, Баташевский, Фоменко, Корсакова, Петров, Галушка, Шурыгин, Пакарин, Ушаков, Дьяконов.

Напрашивается вывод: монархическое самозванство нельзя целиком относить к истории «классовой борьбы» (социального протеста). Более близким к истине выглядит его определение как особой сферы деятельности людей с авантюрным складом ума и/или с отклонениями в психике.

«ПРАВИЛА ИГРЫ»

Говоря о нормах, негласно предписанных лжемонархам, прежде всего отметим, что при Екатерине нет ни одного случая подговора на самозванство, то есть ситуации, когда один человек просит или заставляет другого откровенно дурачить окружающих, а сам лишь делает вид, что верит новоиспечённому «монарху». Скорее всего, сознательная подготовка человека «в самозванцы» как вариант хитроумной аферы была просто невозможной.

Заявления типа «Я – царь», «Я – сын императрицы», как правило, вызывали настороженность, недоверие или страх. Такие эмоции рождались даже у простолюдинов и далеко не всегда сменялись доверием к самозванцу. Неизвестно ни одного случая, когда самозванец получил бы сознательную поддержку со стороны людей, давно знающих его – лично или понаслышке. Если лжемонарх обретал сторонников, то это обязательно происходило там, где он был чужаком. В случае с Пугачёвым было наоборот: среди его сподвижников оказались люди, знавшие его ранее, в реальном качестве, и это кончилось их «изменой», разложением оставшихся «подданных» и выдачей лжемонарха властям.

Простолюдины, облечённые формальной властью (представители мирского самоуправления, казачьи командиры нижнего звена, полицейские и даже сторожа) чаще всего питали стойкое недоверие к самозванцам и прилагали усилия к их задержанию. В этом деле у них, как правило, находились помощники из числа рядовых подданных, другая часть которых в то же время могла стоять за самозванца. Таким образом, народное представление о богоизбранности «подлинного» государя отнюдь не базировалось на идее, что носителем высшей власти может быть представитель «черни».

Успех самозванства зависел уже от обстоятельств «проявления». Если оно происходило в месте, не подходящем, с точки зрения простых людей, для такой важной процедуры, это аюкалось подозрением к самозванцу. Об этом говорят судьбы Сенютина, Фоменко, Мейбома, Заварзиной, Галушки. Но Ушаков «объявил» о себе в церкви, и всё же был схвачен: «правильный» выбор места сам по себе не гарантировал успеха.

Манера поведения лжемонарха должна была соответствовать массовым представлениям о «подлинном» государе, скрывающемся до поры от властей. Прежде всего от самозванца требовалось вести себя чинно и благородно, демонстрировать собственное достоинство. Так было с Кретовым, Савёловым, Зайцевым, Замыцким. Если же самозванец «объявлял» о себе спьяну или напивался уже после «проявления», но вёл себя «прилично», то это не всегда отталкивало свидетелей и провоцировало их на его немедленное задержание или донос властям. Тем не менее, частые попойки рождали недоверие к самозванцу (Кретов, Никифоров, Бунин). Негативные последствия для него имели также привычка лгать (Пугачёв, Никифоров, Савёлов), крайняя бедность (Кретов), сожительство или брак с лицом низкого звания (Асланбеков, Пугачёв, Ханин, Сорокин).

Но длительность самозванства зависела и от случайных факторов – особенностей группового и личностного сознания тех людей, с которыми самозванец вступал в контакт, мировоззрения и настроений местных управителей (светских и духовных), удалённости места «проявления» от воинских частей и административных центров, реальной ситуации в стране и в данном регионе.

Примечания

1. Библиографию см.: Усенко О. Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М. 2004. С. 290–305.
2. См.: Анисимов Е. В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. 1999. С. 53–72.
3. Lagarde A. Voyage dans quelques parties de l'Europe: de Moscou à Vienne. Paris. 1824. P. 23–25.
4. См.: Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 64–68.
5. Хотя Семилеткин, сменив статус, превратился в «авантюриста», учитывать его мы здесь не будем.